

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ И КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

Николай Гумилев.

ИЗ ПИСЕМ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Еще в 1911 г. вышел небольшой сборник стихов и прозы, «Садок судей». С момента появления этой книжечки ведет свое летоисчисление русский футуризм, точнее — московская, еще точнее — кубо-футуристическая его фракция. Движение, известное под именем эго-футуризма, возникло несколько позднее, в Петербурге. Там Игорем Северяниным была основана академия эго-футуризма, впоследствии им же «распущенная». Выйдя из нее, Игорь Северянин отставил от себя академию, с его уходом распавшуюся. С другой стороны, обе фракции футуристов, первоначально враждовавшие между собой, ныне объединяются в новом литературном органе, которому предстоит стать «официозом российского футуризма».

Эстетические и иные верования обеих футуристических фракций общеизвестны. Общеизвестно и то, что настоящая родина футуристов — Италия. Ни московский, ни петербургский футуризм в наиболее существенных чертах своих не могут претендовать ни на оригинальность, ни на новизну. Проповедь крайнего индивидуализма, некогда лежавшая в основе петербургского эго-футуризма, стара, как индивидуализм. «Непреодолимая ненависть» к существующему языку, чем преимущественно отличаются москвичи от петербуржцев, — кроме того, что выводит их поэзию за пределы критики, — также не нова: она целиком заимствована у футуристов западных.

Поэтов с дарованием значительным нет среди москвичей-футуристов. Недурные строчки встречаются у В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка. Прочие или недоступны человеческому пониманию, ибо пишут исключи-

тельно на языке «дыр-был-шур», или бесконечно повторяют друг друга.

Эго-футуристы в большинстве недурно пишут стихи, но, к сожалению, почти не выходят за пределы подражания бывшему ректору своей академии — Игорю Северянину, о котором должно говорить подробнее*.

Игорю Северянину довелось уже вынести немало нападок именно за то, что если и наиболее разительно, то все же наименее важно в его стихах: за язык, за расширение обычного словаря. То, что считается заслугой поэтов признанных, всегда вменяется в вину начинающим. Таковы традиции критики. Правда, в языке И. Северянина много новых слов, но приемы словообразования у него не новы. Такие слова, как «офиалчен», «окалошить», «онездешниться», суть обычные глагольные формы, образованные от существительных и прилагательных. Их сколько угодно в обычной речи. Если говорят «осенять» — то почему не говорить «окалошить»? Если «обессилеть» — то отчего не «онездешниться»? Жуковский в «Войне мышей и лягушек» сказал: «и надолго наш край был обезмышен». Слово «ручьиться» заимствовано Северяниным у Державина. Совершенно «футуристический» глагол «перекочкать» употреблен Языковым в послании к Гоголю.

Так же не ново соединение прилагательного с существительным в одно слово. И. Северянин говорит: «алогубы», «златополдень». Но такие слова, как «босоножка» и «Малороссия», произносим мы каждый день. Несколько более резким кажется соединение в одно слово сказуемого с дополнением: напр., «сенокосить». Но возмущаться им могут лишь те, кто дал зарок никогда не говорить: «рукопожатие», «естествоиспытание».

Спорить о праве поэта на такие вольности не приходится. Важно лишь то, чтобы они были удачны. Игорь Северянин умеет благодаря им достигать значительной выразительности. «Трижды овесенный ребенок», «звенко, душа, освирелься», «цилиндры солнцевеют» — все это хорошо найдено.

Неологизмы И. Северянина позволяют ему с замечательной остротой выразить главное содержание его поэзии: чувство современности. Помимо того, что они часто передают понятия совершенно новые по существу, — сам

* Игорь Северянин. Громокипящий кубок. Поэзы. Предисловие Федора Сологуба. К-во «Гриф». М., 1913. Ц. 1 р.

этот поток непривычных слов и оборотов создает для читателя неожиданную иллюзию: ему кажется, что акт поэтического творчества совершается непосредственно в его присутствии. Но здесь же таится опасность: стихи Северянина рискуют устареть слишком быстро — в тот день, когда его неологизмы перестанут быть таковыми.

Многое в Игоре Северянине — от дурной современности, той самой, в которой культура олицетворена в биплане, добродетель заменена приличием, а красота — фешенебельностью.

Пошловатая эlegantность врывается в поэзию Северянина, как шум улицы в раскрытое окно. «О, когда бы на «Блерио» поместилась кушетка!» — мечтает «тоскующая, нарумяненная Нелли», а сам поэт задается вопросами в таком роде:

Удастся ль душу дамы восторженно омолодить
Курортному оркестру из мелодичных цитр?

Другой точно такой же даме он предлагает:

Ножки пледом закутайте дорогим, ягуаровым,
И садясь комфортабельно в ландолете бензиновом,
Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше резиновом
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

Хоть и не без умиления наглядевшись на все эти «изыски», поэт все же принуждает сознаться: «гнила культура, как рокфор». Ее должно запить вином:

Шампанского в лилию! Шампанского в лилию!
Ее целомудрием святеет оно!..

Не так ли божественным целомудрием поэтической души святеет повседневная жизнь, ее изысканный, но гниющий рокфор, «подленький сыр»? Для души, «обожженной восторгом глотка», святеет весь мир. Вот стихи, посвященные некоей «Мисс Лиль»:

Котик милый, деточка! встань скорей на цыпочки,
Алогубы-цветики жарко протяни...
В грязной репутации хорошенько выпачкай
Имя светозарное гения в тени!..

Ласковая девонька! крошечная грешница!
Ты еще пикантнее от людских помой!
Верю: ты измучилась... Надо онездешниться,
Надо быть улыбочатой, тихой и немой.

Все мои товарищи (как зовешь нечаянно
Ты моих поклонников и незлых врагов...)
Как-то усмеваются и глядят отчаянно
На ночную бабочку выше облаков.

Разве верят скептики, что ночную бабочку
Любит сострадательно молодой орел!..
Честная бесчестница! белая арабочка!
Брызгай грязью чистою в славный ореол!..

Эти слова — прекраснейшее оправдание всей поэзии Игоря Северянина. Ими он связывает себя с величайшими заветами русской литературы, являясь в ней не отщепенцем, а лишь новатором.

Талант его как художника значителен и бесспорен. Если порой изменяет ему чувство меры, если в стихах его встречаются безвкусицы, то все это искупается неизменно музыкальностью напева, образностью речи и всем тем, что делает его не похожим ни на кого из других поэтов. Он, наконец, достаточно молод, чтобы избавиться от недостатков и явиться в том блеске, на какой дает право его дарование. Игорь Северянин — поэт Божией милостью.

Нужно только желать, чтобы как можно скорее разуверился он в пошловатых «изысках» современности и глубже всмотрелся в то, что в ней действительно ценно и многозначительно. Автомобили и аэропланы столь же существенны для нашего века, как фижмы и парики — для века XVIII. Но XVIII век только в глазах кондитеров есть век париков и фижм. Для поэтов он — век революции.

1914

Всеволод Рождественский

ИЗ СТАТЬИ «ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН»

Печататься он начал еще с 1905 года в провинциальных газетах, выпускал за свой счет тоненькие брошюрки, ничем не привлекавшие внимания. Лишь немногие стихотворения той поры включил он впоследствии в свою

существо только Валерий Брюсов в своей статье, помещенной июнем 1915 года, попытался более объективно разобраться в поэтике Игоря Северянина на материале первых трех сборников: «Громкокипящий кубок», «Златолира» и «Victoria Regia»...

Игорь Северянин искренне считал себя новатором стихотворного языка, имея в виду вводимые им неологизмы, которые он изобретал почти на каждом шагу. И при этом, очевидно, не подозревал, что задолго до него, еще в XIX веке, было немало примеров словесного изобретательства. У Н. М. Языкова есть слово «чужеземие», у Е. А. Баратынского «староверец», у В. Г. Бенедиктова «властелинка», «окат», «утишьте», «присяжник», «громоглагольный» — и, вероятно, еще не один десяток подобных новых словообразований. Если оставить в стороне В. Бенедиктова, особо пристрастного к намеренному словотворчеству, эти новшества нигде не кажутся нарочитыми и всегда вызваны к жизни потребностью передать тот или иной оттенок образного мышления там, где не находится привычного слова.

Однако сами «новшества» его стиля разгадываются без особого труда. Как поэт ясно выраженного эмоционального строя, он особенно легко чувствует себя в сфере непрерывного движения, лирической взволнованности и потому из всех частей речи отдает явное предпочтение глаголу. С глаголом и происходят в основном лексические метаморфозы. Внешне это выражается в том, что, широко используя приставку «о», поэт создает все новые и новые смысловые единицы, придавая существительному чисто глагольное обличье. Отсюда и неологизмы (по типу: колпак — околпачить): *окалошить, овагонить, осупружиться, озамужниться, олазорить, окудесить, огимнить, оперлить, оцариться, оэкринить, отронить.*

Несколько реже существительное превращается в глагол и иными способами: *взорлить, пристулить, бессмертить, драприть, центрить и т. д.*

Таким же незамысловатым способом стало возможно создавать и прилагательные-эпитеты: *безлистная* (книга), *бестронный* (король), *беспоповья* (свадьба), *софный* (бархат). С не меньшей легкостью фабриковались и составные прилагательные. Примеры: *золотогрезный* (виноград), *росистощебетный* (сад), *лилиебатистовая* (блузка), *березозебреное* (шале), *злофейный* (креп) и т. д.

К этому нужно добавить, что основным стимулом подобных лингвистических опытов было у автора и настоя-

чивое стремление привлечь внимание публики к своему творчеству как к чему-то совершенно необычному. Отсюда и его пристрастие к броским словам и деталям, ко всему пряному, цветистому, отмеченному чрезмерной «красивостью». И, разумеется, особая забота о звонкой и небанальной рифмовке.

В поисках словесной оригинальности Игорь Северянин с увлечением предается и изобретению новых существительных: безгрязье, чернобровье, равнокровье, угрозые, цветочье, отстраданье, лиловь, весень, светозарь, чарунья, всемирница, замужница, гениалец, лесофея, озерзамок, лунополь, ветропросвист, крылолет и т. д...

1978